

Предисловие «Полки»

*Трилогия о взрослении, с которой Толстой
входит в литературу: современники
открывают для себя психологию ребенка
и поражаются, с какой глубиной можно
описывать внутреннюю жизнь человека.*

Татьяна Трофимова

О ЧЕМ ЭТА КНИГА?

Толстовская трилогия родилась из дневников молодого Толстого, ищущего ответ на вопрос, как чистое непосредственное создание может превратиться в тщеславного порочного человека. Трогательный и чувствительный Николенька Иртеньев (в начале ему десять лет, в конце — шестнадцать), прообраз которого — сам Толстой, живет обычной жизнью: неохотно учится, с удовольствием играет, сочиняет плохие стихи, впервые влюбляется, переживает смерть матери, становится неуклюжим подростком, завидует брату, поступает в университет, проваливает экзамен. Толстой рассказывает о типичной траектории взросления и пытается зафиксировать малейшие движения души, в перспективе, возможно, влияющие на всю жизнь человека. «Детство» открывает для современников не только психологию ребенка, но и вообще интроспекцию, самоанализ как основу повествования. Дебют Толстого породил целую волну подражаний и принес молодому писателю мгновенную славу.

КОГДА ОНА НАПИСАНА?

Создание трилогии заняло шесть лет. Работа над ней постоянно прерывалась: возникали параллельные замыслы, много времени отнимала военная служба, сам замысел трилогии непрерывно менялся. Закончив первую редакцию «Детства» к марту 1851 года, Толстой совершенно не предполагал, что у повести будет продолжение. Да и сама первая редакция была мало похожа на тот вариант, который в итоге был опубликован в 1852-м: она охватывала

историю героя разом от детства до университетских лет, не имела никакого деления на главы и была гораздо более автобиографична. Однако по ходу дальнейшей работы у писателя формируется замысел тетралогии «Четыре эпохи развития» (другое рабочее название — «Четыре эпохи жизни»). Почти сразу после публикации «Детства» Толстой берется за «Отрочество», которое будет опубликовано уже в 1854 году, а во время обороны Севастополя набрасывает несколько глав будущей «Юности», которая выйдет в 1857 году. Параллельно пишет «Севастопольские рассказы» и пытается работать над еще одним автобиографическим произведением — «Романом русского помещика». Принципиальную разницу между этими текстами, основанную на собственном опыте, сам Толстой определяет так: от событий тетралогии «он далек» (в чисто хронологическом смысле), а от событий «Романа русского помещика» — нет, и чем ближе к настоящему времени, тем Толстому сложнее. В итоге оба автобиографических проекта Толстого остались незавершенными: наброски «Молодости» так и не перерастают в повесть, а «Роман русского помещика» сводится к небольшому «Утру помещика», опубликованному в 1856 году.

КАК ОНА НАПИСАНА?

Каждая из частей трилогии, по замыслу Толстого, должна была описывать определенный этап взросления: детскую непосредственность, подростковый скептицизм, юношеское тщеславие и отчаянные попытки найти новые жизненные основания. В каждой из частей, как и в трилогии

в целом, нет сквозного сюжета. Если главы «Детства» еще выстроены в логическую цепочку (в конце главы имеется сюжетная зацепка для следующей) и достаточно хронологически подробны, то в «Отрочестве» и «Юности» пропадает и это. Толстой просто помещает в центр каждой главы максимально характерные для периода событие, эмоцию или же значимого для героя человека.

Одновременно Толстой использует сложную повествовательную технику: каждый эпизод рассказывается в двойной перспективе — от лица маленького Николайки и от лица повзрослевшего повествователя. Первый отвечает за непосредственное восприятие, в то время как второй с дистанции времени и возраста может оценить, насколько конкретный эпизод оказал влияние на личность. Это заставило современников задуматься об особенностях детской психики и в дальнейшем повлияло на педагогические опыты самого Толстого.

ЧТО НА НЕЕ ПОВЛИЯЛО?

Начиная с девятнадцати лет Толстой ведет дневник и записывает в него все, что читает, а также отмечает, что именно его впечатлило в прочитанном. Поэтому и в случае трилогии можно с уверенностью назвать несколько системообразующих для Толстого текстов. Прежде всего, это «Сентиментальное путешествие» Лоренса Стерна — писателя, которым Толстой зачитывался и в манере которого ему нравилось практически

все. Именно под его влиянием Толстой решил писать повесть не со сквозным сюжетом, который держит повествование, а состоящую из маленьких зарисовок, как будто подсмотренных «из окна». «Библиотека моего дяди» Рудольфа Тёпфера¹ утвердила его в решении отказаться от сложных сюжетных схем, наполнить произведение деталями и придать ему общее ощущение задушевности.

Чарльз Диккенс с «Дэвидом Копперфилдом» — еще один важный источник вдохновения раннего Толстого. Кажется, что именно отсюда он должен был почерпнуть идею описания детства и взросления человека, но нет: Диккенс понравился Толстому атмосферой английского семейного романа и опять же миниатюрностью зарисовок, проработкой деталей. Наконец, «Исповедь» Жан-Жака Руссо, с которой Толстой не расстаётся несколько лет, заставляет его задуматься о нравственном развитии и рациональном осмыслении собственного опыта.

Как отмечают исследователи раннего Толстого, все эти источники для самого писателя тесно связаны между собой и воспринимаются исключительно в русле традиции сентиментализма. Поэтому в список стоит добавить также неоконченное произведение «Рыцарь нашего времени» Николая Карамзина, которого называли русским Стерном. А вот современная Толстому литература на него практически не влияет: глядя на адептов натуральной школы, того же Ивана Тургенева, Толстой замечает, что так он писать не сможет, а значит, не надо и пытаться.

¹ Рудольф Тёпфер (1799–1846) — швейцарский писатель и художник. Основал собственный пансион — «институт Тёпфера». Приобрел известность благодаря повести «Библиотека моего дяди» (1832–1838). Также Тёпфер создавал серии иллюстрированных историй — его считают одним из родоначальников жанра комиксов.

КАК ОНА БЫЛА ОПУБЛИКОВАНА?

Все части трилогии были последовательно опубликованы в журнале «Современник», и издававший его Николай Некрасов заслуженно гордился открытием нового имени в литературе. Дебют Толстого пришелся на «мрачное семилетие», когда в результате усиления цензуры после революционных событий в Европе у писателей практически не осталось шансов на публикацию хоть сколько-нибудь актуального произведения. Не обошла цензура своим вниманием и Толстого, который был разгневан, когда его первая повесть «Детство» появилась в журнале в отредактированном виде. Ведь он просил «ничего не изменять в ней!» Толстой дважды переписывает письмо с претензиями Некрасову — и все-таки не отправляет его. Из повести была вырезана история любви Натальи Савишны к Фоке, в предсмертном письме матери Николеньки были сделаны пропуски; Толстой с гневом писал: «Портрет моей маменьки вместо образа моего ангела на 1-й странице такая перемена, которая заставит всякого порядочного читателя бросить книгу, не читая далее» (образок этот задел мухобойкой Карл Иваныч, рассердив Николеньку). Но больше всего Толстого возмутило решение Некрасова изменить заглавие повести. Вместо «Детства» первые читатели увидели повесть под названием «История моего детства», подписанную инициалами автора — Л. Н. «Кому какое дело до истории моего

детства?» — восклицал Толстой. И хотя многие изменения были сделаны в силу цензурных ограничений, последнее решение Некрасова было чисто стилистическим. Последующие публикации Толстой воспринимал уже гораздо спокойнее, но первая повергла его в отчаяние — пусть эта «изуродованная повесть» и принесла ему славу.

КАК ЕЕ ПРИНЯЛИ?

Разные части вызвали разную реакцию. Если появление «Детства» сопровождалось практически единодушным восторгом (Иван Тургенев писал из Парижа молодому писателю, что его повесть «производит фурор» и в моде «пуще кринолина»), то «Юность» приняли гораздо сдержаннее. Предчувствуя это, Толстой еще до публикации отправил рукопись «Юности» Александру Дружинину¹, чтобы тот честно сказал, стоит ли ее публиковать. Дружинин в ответ сделал Толстому немало замечаний (в частности, посоветовал не писать такими длинными предложениями), но вынес вердикт, что писатель справился с «ужасной» задачей «схватить и очертать волнующий и бестолковый период юности» и может смело «плюнуть в физиогномию» любому, кто скажет, что эта повесть хуже «Детства» или «Отрочества». В целом же трилогия Толстого была принята критикой того времени удивительно доброжелательно. Начинаящий критик Николай Чернышевский поразился тому, как молодой писатель изображает «психический

¹ Александр Васильевич Дружинин (1824–1864) — критик, писатель, переводчик. С 1847 года публиковал в «Современнике» рассказы, романы, фельетоны, переводы, дебютом стала повесть «Полинька Сакс». С 1856 по 1860 год Дружинин был редактором «Библиотеки для чтения». В 1859 году организовал Общество для пособия нуждающимся литераторам и ученым. Дружинин критиковал идеологический подход к искусству и выступал за «чистое искусство», свободное от любого дидактизма.

процесс» — «едва уловимые явления этой внутренней жизни, сменяющиеся одно другим с чрезвычайною быстротою и неистощимым разнообразием», — и даже придумал для этого специальный термин: «диалектика души». Литературовед Павел Анненков отмечал, что «Детство» — настоящее кропотливое исследование психологии ребенка, только данное в художественной форме. И даже Константин Аксаков¹, не слишком расположенный к западной идеологии «Современника» и его авторов, признал, что талант Толстого очевиден. Впрочем, Аксаков выдвинул ряд претензий, главная из которых — излишнее увлечение микроскопическим анализом. «Перед вами стакан чистой воды, вы увеличиваете ее в микроскоп, перед вами море, наполненное инфузориями, целый особый мир; но если вы усвоите себе это созерцание, то впадете в совершенную ошибку», — писал он. Иными словами, стакан воды — это по-прежнему всего лишь стакан воды, а Толстой склонен придавать излишнюю значимость совершенно проходным моментам, и его таланту надо поскорее освободиться «от этой мелочности».

ЧТО БЫЛО ДАЛЬШЕ?

А дальше у Толстого случился кризис. Как Толстой писал впоследствии в «Исповеди», в момент очередной переоценки ценностей, к концу 1850-х он хорошо уяснил, что нужно

для писательского успеха, и «стал писать из тщеславия, корыстолюбия и гордости». Он вспоминает о своей первоначальной цели — «сделаться лучше» — и разочаровывается в писательстве. «Я — художник, поэт — писал, учил, сам не зная чему. Мне за это платили деньги, у меня было прекрасное кушанье, помещение, женщины, общество, у меня была слава. Стало быть, то, чему я учил, было очень хорошо», — воспроизводит Толстой свою логику и добавляет, что сам себе в этот момент стал противен. Поэтому он решает вернуться в Ясную Поляну и заняться хозяйственными делами. Но предварительно объезжает половину Европы, в том числе Германию и Францию, чтобы изучить западную систему школьного образования. Из этой поездки Толстой возвращается, снова проиграв борьбу с собой, наделав карточных долгов и к тому же подхватив венерическое заболевание. Увлечшись идеей школы для крестьянских детей, он решает разработать собственную педагогическую методику, которую последовательно излагает в журнале «Ясная Поляна», специально под это основанном.

Что касается трилогии, то она (в особенности «Детство») породила долгую волну подражаний. В их числе — «Детские годы Багрова-внука» Сергея Аксакова, «Детство Тёмы» Николая Гарина-Михайловского, «Детство Никиты» Алексея Толстого, а также автобиографическая трилогия

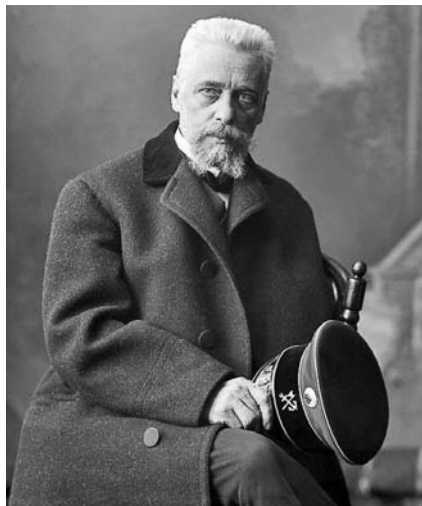
¹ Константин Сергеевич Аксаков (1817–1860) — публицист, литературовед, идеолог славянофильства, член важной литературной династии XIX века. Аксаков сотрудничал с журналами «Москвитянин», «Русская беседа», газетой «Молва», писал стихи и драму. Известность получила его полемика с Белинским по поводу «Мертвых душ» Гоголя. История России, по мнению Аксакова, принципиально отличается от истории европейских стран: русский народ не конкурировал за власть, а мирно сосуществовал с государством, однако это равновесие нарушили реформы Петра I. Философ Владимир Соловьёв называл Аксакова «самым восторженным и прямолинейным из славянофилов».

Максима Горького. Молодой Лев Толстой задает моду, которая переживет не только его произведение, но и его самого.

ТОЛСТОЙ ПЕРВЫМ В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ НАПИСАЛ О ДЕТСТВЕ?

На самом деле нет. Действительно, писатели-романтики не особо интересовались детством своих героев, и нам трудно вообразить, каким было детство Онегина или Печорина. Но сентиментализм, на который в большей степени опирался Толстой, и современная писателю натуральная школа вполне интересовались взрослением и формированием личности. Так, один из главных русских авторов-сентименталистов — Карамзин — в 1802–1803 годах в журнале «Вестник Европы» опубликовал несколько глав незавершенного романа «Рыцарь нашего времени», написанного в духе Руссо и повествующего о подростковых годах мальчика Леона. С появлением натуральной школы темой воспитания и влияния общества на личность заинтересовался Александр Герцен: всю первую часть романа «Кто виноват?» он посвятил подробным биографиям героев с акцентом на их детские годы. Кроме того, в 1849 году опубликован «Сон Обломова» — глава будущего романа Ивана Гончарова, целиком посвященная детским годам Илюши. Гончаров показывал, как именно в детский период была погашена тяга его героя к активности, а на смену живому характеру пришла лень. Для современников эта идея оказалась особенно ценной.

«Когда я писал “Детство”, — вспоминал Толстой спустя более чем полвека, — то мне

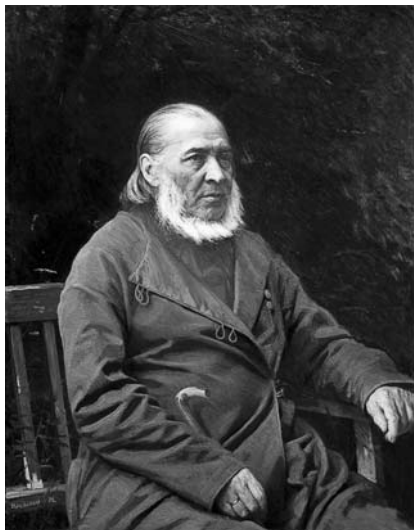

Николай Гарин-Михайловский.
1890-е годы. Автор М. П. Дмитриев.
«Детство» Толстого породило долгую
волну подражаний. В их числе — «Детство
Тёмы» Николая Гарина-Михайловского

казалось, что до меня никто еще так не почувствовал и не изобразил всю прелесть и поэзию детства». И Толстой прав в ключевых словах — детство в русской литературе было, но оно не несло в себе «прелести» или «поэзии»; в этом он совершил прорыв.

ЧТО НОВОГО СКАЗАЛ ТОЛСТОЙ О ПСИХОЛОГИИ РЕБЕНКА И ПОДРОСТКА?

Толстой сконцентрировался именно на «психическом процессе» и под микроскопом — любимый образ тех лет! — рассмотрел малейшие движения души ребенка на пути его взросления. Предшественник Толстого, Гончаров, уже описывал инертную среду, убившую живость в маленьком Обломове, отбирал события и эмоции ребенка

Иван Крамской.
Портрет Сергея Аксакова. 1878 год.
«Детские годы Багрова-внука» Аксакова
тоже продолжают толстовскую традицию

«Детство» Льва Толстого
повлияло и на «Детство Никиты»,
которое написал однофамилец писателя —
Алексей Толстой

соответствующим образом, но не показывал «психический процесс». Толстой же сосредотачивается именно на том, как меняются эмоции и мысли героя, формируя его личность прямо на наших глазах. В дискуссиях 1850–1860-х годов обсуждалось, каким образом «лишние» люди могут стать «новыми» людьми, способными к активному созиданию. Толстой показывает тот период формирования человека, когда эти перемены запрограммировать легче всего.

Во времена написания трилогии в дворянской среде все еще актуально дистанцированное воспитание ребенка: родители не занимаются ребенком сами, ограничиваясь встречами с ним два-три раза в день, чаще всего за завтраком и за ужином. К ребенку приставлены сначала няня, а потом гувернантка или гувернер. Цель же гувернерского воспитания — воспроизвести

полноценного члена светского общества и сделать так, чтобы при встрече с родителями ребенок доставлял им лишь радость. Со стороны ребенка родители должны были видеть безусловное почтение, примерное поведение, умение молчать, пока к нему не обратятся. Дети до совершеннолетия не были особо включены в жизнь родителей и уж точно не являлись ее центром. Трилогия Толстого, наряду с активным развитием в те же годы педагогики, довольно сильно поспособствовала изменению ситуации. Для Толстого ребенок — уже цельная самоценная личность, в его сознании и душе происходит много уникального и важного. Писатель был сторонником теории Жан-Жака Руссо, согласно которой человек рождается гармоничным и совершенным, а дальнейшее соприкосновение с действительностью и вмешательство в его